

Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя»)

И.А. Виноградов

Аннотация: В статье ставится принципиальный для истолкования любого произведения теоретический вопрос о том, насколько важным для понимания того или иного текста является определение его «вектора смысла» — цели, которой руководствовался автор в процессе работы. Одним из ключевых практических выводов святоотеческого истолкования евангельских притч является рекомендация руководствоваться главным смыслом, пренебрегая малозначительными деталями, которые служат лишь основой для «сюжетного» воплощения темы. Впервые этот принцип применен к одному из наиболее «проблемных» произведений в истории нашей словесности — знаменитой книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Уточняется место и значение этого гоголевского сочинения среди других произведений писателя; очерчена панорама наследия Гоголя в целом.

Ключевые слова: Гоголь, биография, художественное творчество, общественная идеология, цензура, интерпретация, герменевтика, духовное наследие.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН. Москва. E-mail: info@imli.ru

Одним из ключевых практических выводов святоотеческого истолкования евангельских притч является рекомендация руководствоваться главным смыслом, пренебрегая теми малозначительными деталями, которые служат лишь основой для «сюжетного» воплощения темы. Игнорирование этого важного теоретического принципа, «увлечение» частностями в ущерб главному неизбежно приводят к искажению смысла притчи. Св. Иоанн Златоуст писал: «В притчах не нужно изъяснять всё по буквальному смыслу, но узнавши цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. [...] ...Не на всё в притчах должно обращать внимание»¹. Блаженный Феофилакт Болгарский добавлял: «Всякая притча прикровенно и образно объясняет сущность

¹ Творения св. Иоанна Златоуста. СПб., 1901. Т. 7. С. 655–656.

какого-нибудь предмета, но она не во всём подобна тому предмету, для объяснения которого берется. По сему не должно все части притчи изъяснять до тонкости, но, воспользовавшись предметом насколько прилично, прочие части нужно опускать без внимания, как прибавленные для целости притчи и с предметом ее не имеющие никакого соответствия»². Церковный автор начала XX в. поясняет: «Следует иметь в виду, что Христос, беря для Своих притчей примеры из обыденной жизни Своих слушателей, пояснял Свое учение лишь главною мыслью рассказа, а не мелочными подробностями его, не имевшими иногда прямого отношения к главной мысли. Если допустить это положение, то бесполезны будут попытки истолковывать во что бы то ни стало все без исключения подробности каждой притчи; гоняясь за ними, можно упустить главную мысль, можно, как говорится в пословице, из-за деревьев не заметить леса»³.

Эти важные практические рекомендации, выработанные в процессе толкования новозаветных притч, носят универсальный характер и могут — и должны быть приняты во внимание при изучении замысла любого художественного или публицистического произведения, светского или церковного. Но потребность такого подхода возрастает многократно при изучении проблемных, вызывающих принципиальную полемику критиков и исследователей текста. К числу таких произведений в полной мере относится знаменитая книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Это гоголевское сочинение до сих пор порождает у читателей самые противоречивые суждения и реакции. Как представляется, только сосредоточившись на выявлении цели и «вектора смысла» этой книги, идей, которые в той или иной форме выражены почти в *каждом* из разнообразных писем этой книги, возможно определить ее уникальное значение, место в ряду других гоголевских произведений и главенствующий смысл этого сочинения.

В свое время академик Н.С. Тихонравов, в частности, подметил, что положения целого ряда итоговой книги Гоголя прямо перекликаются с содержанием «Тараса Бульбы». Исследователь обратил внимание на то, что важнейшими из тем и мотивов, объединяющих «Тараса Бульбу» с «Выбранными местами из переписки с друзьями», является мотив уныния и связанная с ним тема утешения скорбящего человека. Н.С. Тихонравов обнаружил прямые переклички между речами казацких атаманов, воздвигающих упавший дух воинов в седьмой, восьмой и девятой главах повести, и со-

² Благовестник: Толкования на святых Евангелия блаж. Феофилакта, архиеп. Болгарского. СПб., [1910]. С. 409.

³ *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1907. С. 464.

держанием статей «Переписки с друзьями» «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», «Об Одиссее, переводимой Жуковским», «О лиризме наших поэтов»⁴. В свою очередь биограф Гоголя В.И. Шенрок спустя несколько лет отметил, что религиозность Гоголя «в некоторых местах» «Тараса Бульбы», в частности, в описании смерти атамана Кукубенко, выразилась сильнее, чем даже в «Выбранных местах из переписки с друзьями»⁵.

Переклички между «ранними» художественными произведениями Гоголя и его последней книгой настолько многочисленны, что одно перечисление их может составить предмет отдельной монографии⁶. Если же взглянуть на этот вопрос несколько шире, опуская подробности, то следует напомнить об одном из важнейших итогов этих наблюдений — о давно общепризнанном представлении, что «Выбранные места...» являются своеобразным публицистическим эквивалентом незавершенного второго тома «Мертвых душ». Но и этого мало. Только теперь, в результате долгих исследований, мы приходим, наконец, к выводу о том, что «Переписка с друзьями» выступает не только эпистолярным изложением идейного содержания глав второго тома поэмы, но и полноценным отражением *всего* замысла «Мертвых душ», в его «неразорванном», едином художественном целом, включая первый том⁷.

Отсюда намечается еще один принципиально важный в понимании гоголевского наследия шаг. По признанию самого Гоголя, его ранние повести представляют собой ни что иное как «бледные отрывки тех явлений», «из которых долженствовала создаться в его законченной поэме «полная картина» (признание об этом Гоголь сделал в письме к М.П. Погодину почти в самом начале работы над «Мертвыми душами», 28 ноября 1836 г.)⁸. Словом, оказывается, что творчество Гоголя — это «неделимое» художественное полотно, в котором «ранние» произведения выступают своего рода подготовительными набросками, а «Мертвые души», в их оконча-

⁴ Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // Соч. Н.В. Гоголя. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1. С. 670–671.

⁵ Шенрок В.И. Гоголь как художник // Киевская старина. 1902. № 6. С. 443.

⁶ См., в частности: Виноградов И.А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 448 с.

⁷ См.: Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От Повести о ссоре к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017 (в печати).

⁸ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 11. Переписка 1835–1841. С. 86.

тельном виде, в трех томах, призваны обнять все грани художественной концепции, обобщить все стороны гоголевского художественного мира. Предваряющей попыткой такого обобщения и явились «Выбранные места из переписки с друзьями».

Уже из приведенных примеров — из переключек между «Тарасом Бульбой» и «Выбранными местами...» — можно вполне определенно судить, что тот, кто, вслед за В.Г. Белинским, не принимает последней книги Гоголя (чаще всего по идеологическим причинам), тот столь же радикально расходится с самим писателем и в понимании всего его художественного наследия — он «льстит» себе, заблуждается по поводу Гоголя точно так же, как обманулся насчет подлинного содержания гоголевских «ранних» повестей — а затем и «Ревизора», и «Мертвых душ» — Белинский. Следует иметь в виду, что скрытая полемика о настоящем смысле созданий Гоголя началась между писателем и критиком отнюдь не в 1847 г. — с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями»; она возникла уже в 1835-м, при самом появлении «Миргорода»⁹.

Поистине странным выглядит на этом фоне тот факт, что встреченное частью современников с явным недоброжелательством последнее опубликованное при жизни Гоголя сочинение, открывается теперь перед нами — после более чем полуторавекового периода слепого доверия к мнению Белинского — как самая патриотическая — равноценная повести «Тарас Бульба» — книга нашей словесности. Становится, наконец, очевидным, что патриотизм Гоголя с не меньшей силой и основательностью, чем в «Тарасе Бульбе», выражен и сформулирован в итоговых «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Несмотря на обширные цензурные изъятия, сделанные в «Переписке с друзьями» приятелем Белинского цензором А. В. Никитенко (в частности, по настоянию этого цензора в книге Гоголя были исключены главы XIX. *Нужно любить Россию*, XX. *Нужно проехать по России*, XXI. *Что такое губерния*, XXVI. *Страхи и ужасы России*, XXVIII. *Занимающему важное место*¹⁰), «Выбранные места...» даже в таком, обезображенном, обрзанном цензурой виде сохранили ярко выраженное религиозно-патриотическое со-

⁹ Подробнее см.: Виноградов И.А. Гоголь — художник и мыслитель. С. 347–363.

¹⁰ Подробнее см.: Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н.В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4: Сборник научных трудов / Петрозаводский гос. ун-т. Материалы IV Международной конференции. Июнь 2002 г. Петрозаводск, 2005. С. 219–245.

держание. Именно это и стало главной причиной нападков на Гоголя со стороны западнической партии, прежде всего Белинского.

В то время, когда двадцатилетний «красный республиканец и социалист» Н.Г. Чернышевский мечтает о «поражении русских» в Венгрии¹¹, Гоголь со страниц вышедшей книги обращается к современникам, не изменяя при этом ни одному из своих прежних воззрений — ни тем, что выразились в «позитивном» «Тарасе Бульбе», ни тем, что определили критический пафос «Мертвых душ» (все цитаты приводятся далее по прижизненному изданию «Выбранных мест...», которое было известно современникам писателя только в подцензурной «редакции»):

«Оставивши всё прочее в сторону, посмотрим на нашу Россию, и в особенности на то, что у нас так часто перед глазами, — на множество всякого рода злоупотреблений¹². [...] Так много страдающих внутри России от голода, пожаров, болезней и всякого рода несчастий»¹³.

«Церковь наша есть жизнь... [...] Эта Церковь [...] одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши [...] и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласно стройностью [...] организма»¹⁴.

«Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновенье с верховным источником лиризма — Богом... [...] Два предмета вызывали у наших поэтов этот лиризм, близкий к библейскому. Первый из них — *Россия*. [...] Это что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству. [...] Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться в земле, назначенной быть нашим отечеством, прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо жидется... [...] Перейдем к другому предмету [...] *любви к Царю*. [...] Поэты наши прозревали значение высшее Монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделать весь одна *любовь*, и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает покуда чутьем вся земля наша. [...] Государь [...] один может только [...] обратить в стройный оркестр государство¹⁵. [...] Поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать [...] восхищение от света, внесенного в Россию, изумление

¹¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 297.

¹² Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. С. 17. I. Завещание.

¹³ Там же. С. 37. V. Чтения Русских поэтов перед публикою.

¹⁴ Там же. С. 59–60. VIII. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве.

¹⁵ Там же. С. 68–71, 74, 76–78. X. О лиризме наших поэтов.

от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность Царям, того виновникам»¹⁶.

«Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика, какой, к чести высокой породы Русской, находится посреди отважнейших взяточников, который не берет даже и тогда, как все берет вокруг него. [...] Ублажи гимном того исполина, какой выходит только из Русской земли... [...] Покажи, как совершается [...] богатырское дело в истинно Русской душе... [...]...Огни, а не слова излетят от тебя, как от древних Пророков, если только [...] так возлюбил спасение земли своей, как возлюбили они спасение Богоизбранного своего народа»¹⁷.

«Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным Русским пространствам. [...]...У редкого из нас доставало столько любви к добру, чтобы он [...] положил самому себе в непременный закон служить земле своей... [...] От души было произнесено это обращение к России: “В тебе ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться ему!” [...] В России, теперь, на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святынню своего звания и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту»¹⁸.

«Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу. [...] Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. [...] Многие у нас уже и теперь [...] стали хвастаться не в меру Русскими доблестями... [...] Хвастаются будущим! Нет, по мне, уже лучше временное уныние и тоска от самого себя, нежели самонадеянность в себе. [...] Нет, [...] бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе “Мертвых душ”, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен. [...] Рожден я вовсе не за тем, чтобы произвести эпоху в области литературной»¹⁹.

«Что такое наша поэзия вообще? зачем она была, к чему служила, и что сделала для всей Русской земли нашей? [...] Поэты наши слышали, что не пришло еще время [...] хвастаться собою; что

¹⁶ Там же. С. 201. XXXI. В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность.

¹⁷ Там же. С. 119–120. XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время.

¹⁸ Там же. С. 135, 138, 140. XVIII. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ», письмо 2-е.

¹⁹ Там же. С. 151–153. XVIII, письмо 4-е.

еще нужно нам самим прежде организовать, стать собою и сделаться Русскими. [...] Другие дела наступают для поэзии. [...] ...Придется ей теперь вызвать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, но за нашу душу... [...] Скорбью ангела загорится наша поэзия и, ударивши по всем струнам, какие ни есть в Русском человеке, внесет в самые огрубелые души святыню того, чего никакие силы и орудия не могут утвердить в человеке. Вызовет нам нашу Россию — нашу русскую Россию»²⁰.

«В Русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресения. [...] Отчего [...] одному Русскому еще кажется, что праздник этот празднуется как следует [...] в одной его земле? [...]...Есть уже начала братства Христова в самой нашей Славянской природе, и побратанье людей было у нас роднее [...] и кровного братства... [...]...Есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, [...] сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, [...] не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имущества, жгли дома свои и земные достатки... [...] Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник Воскресенья Христова восприздается прежде у нас, чем у других»²¹.

Даже в «обгрызенном Никитенкой оглодке»²² (так Гоголь называл свою книгу после «цензурного убийства»²³, которое совершил над ней приятель Белинского), даже в таком плачевном виде религиозно-патриотический пафос остался в ней главенствующим — гоголевские мысли в «Выбранных местах из переписки с друзьями» предстают как стройная, последовательная концепция.

Уместно привести в дополнение несколько цитат из тех статей, которые не были пропущены Никитенко. В статье с многоговорящим, недвусмысленным названием «Нужно любить Россию» Гоголь писал: «Если только возлюбит Русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России»²⁴.

В письме «Нужно проездится по России» он дважды восклицал: «Монастырь ваш — Россия!»²⁵

В статье «Что такое губернаторша» писатель замечал: «Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию; с тех же пор, как стал я побольше всматриваться в мерзости, я про-

²⁰ Там же. С. 259, 261–262, 267–268, 270–271. XXXI. В чем же наконец существо Русской поэзии и в чем ее особенность.

²¹ Там же. С. 272, 274–275, 284–286. XXXII. Светлое Воскресение.

²² Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 14. С. 75.

²³ Там же. Т. 14. С. 121.

²⁴ Там же. Т. 6. С. 88.

²⁵ Там же. Т. 6. С. 80, 96.

светлеет духом; передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблагодарил еще более перед Провиденьем»²⁶.

Из статьи «Страхи и ужасы России»: «Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос... [...] Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках. Я бы вам назвал многих таких, которые составят когда-нибудь красоту земли Русской и принесут ей вековечное добро...»²⁷

Из статьи «Занимающему важное место»: «...Вы взошли именно на ту степень состоянья душевного, на которой нужно быть тому, кто захотел бы сделать теперь пользу России. [...] ...Вся Русская земля вызывает о помощи и [...] помощь ей можно оказать одними подвигами благородства... [...] ...Россия, точно, [...] несчастна от грабительств и неправды, которые до такой наглости еще не возносили рог свой...»²⁸

Высказано мнение, что «неудача» Гоголя с публикацией «Выбранных мест» объясняется тем, что для создания в русской литературе принципиально нового, «национального, православного» направления писатель воспользовался «уже отслужившим эпистолярным жанром» — «в ветхие мехи влил молодое, еще не перебродившее вино», — так что «потребовалось еще немало лет, чтобы Достоевский, освоив опыт Гоголя, создал новый жанр полифонической публицистики — Дневник писателя»²⁹. Отчасти это действительно так. Но только отчасти. Вполне очевидно, что в еще большей мере решительное неприятие книги Гоголя радикальной общественностью было вызвано исключительностью ее содержания — многократно прозвучавшим в книге утверждением о Богоизбранности православной самодержавной России, — той заветной идеей писателя, которая ни в каких, даже самых прочных «новых мехах» (жанровых формах) не удовлетворила бы тогдашних представителей отрицательного направления русской критики.

Полемика Белинского с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» отвела внимание от главного содержания гоголевской книги, затушевала ее первостепенную идею. Переведа разговор на частности, Белинский вполне достиг своей цели — так что до сих пор патриотическая составляющая книги остается где-то

²⁶ Там же. Т. 6. С. 108.

²⁷ Там же. Т. 6. С. 131–133.

²⁸ Там же. Т. 6. С. 148.

²⁹ *Споров Б.Ф.* Гоголь — новое прочтение. Заметки на полях книг // Н.В. Гоголь и Православие: Сборник статей о творчестве Н.В. Гоголя. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 296–297.

на периферии читательского восприятия. Изучая спор Белинского с Гоголем — их «вопросы» и «ответы» — мы так или иначе полагаем, что здесь-то и кроется «основное», первостепенное общественное звучание гоголевской книги — с каким бы знаком ее не оценивать, либо с позиции Белинского, либо с позиции Гоголя. Навязав полемику, Белинский существенно сузил, исказил проблематику книги. В понимании, интерпретации и пересказе гоголевского сочинения Белинский, в силу иного склада мировоззрения, оказался толкователем столь же неискusstным, как и в прежних критических разборах «ранних» художественных произведений Гоголя. К сожалению, ни современные, ни последующие критики, читатели и исследователи «Выбранных мест из переписки с друзьями» не заметили подмены существа спора, так что за частностями, за навязанными Белинским словопрениями по поводу отдельных вопросов, просмотрели главное, непреходящее значение гоголевской книги — ее глубочайший религиозно-патриотический пафос. Другой такой книги в нашей классической словесности нет.

Литература

Виноградов И.А. Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов И.А. Неизвестные автографы двух статей Н. В. Гоголя о Церкви и духовенстве. К истории издания «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 219–245.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От Повести о споре к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017 (в печати).

Гладков Б.И. Толкование Евангелия. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1907. 718 с.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. 287 с.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Иоанн Златоуст, святитель. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1901. Т. 7. 912 с.

Споров Б.Ф. Гоголь — новое прочтение. Заметки на полях книг // Н.В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н.В. Гоголя. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 289–344.

Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // Сочинения Н.В. Гоголя. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1. С. 669–677.

Феофилакт Болгарский, блаженный. Благовестник. Толкования на святых Евангелия блаж[енного] Феофилакта, архиеп[ископа] Болгарского. СПб., [1910]. 768 с.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939. Т. 1. 860 с.

Шенрок В.И. Гоголь как художник // Киевская старина. 1902. № 6. С. 435–448.

References

Vinogradov I.A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': Khristianskie osnovy mirosozertsaniia* [Gogol' as an Artist and Thinker: The Cristian Foundations of His Outlook]. Moscow, IMLI RAN; Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Neizvestnyye avtografy dvukh statei N.V. Gogolia o Tserkvi i dukhovenstve. K istorii izdaniia ‘Vybrannykh mest iz perepiski s druž'iami’” [Unknown Autographs of Nikolai Gogol's Two Articles on the Church and the Clergy: The history of publishing Gogol's *Selected passages from correspondence with friends*]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics]. Vol. 7: “Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr” [The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XXth Centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre]. Issue 4. Petrozavodsk, Petrusu Publ., 2005, pp. 219–245. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Blazhenny mirotvortsy. Ot Povesti o ssore k zamyslu ‘Mertyvkh dush’” [Blessed are the peacemakers. From a Tale of a Quarrel to the Concept of the “Dead Souls”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 9: Philology. 2017 (in print). (In Russ.)

Gladkov B.I. *Tolkovanie Evangeliiia* [Interpretation of the Gospels]. 2nd rev. and enl. ed., St. Petersburg, 1907. 718 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami Nikolaia Gogolia* [Selected passages from Correspondence with Friends]. St. Petersburg, 1847. 287 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochineny i pisem*: in 17 vols. (15 books.) [Complete works and letters: in 17 vols. (15th book)], ed., comp. comm. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow; Kiev, Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Publ, 2009–2010. (In Russ.)

Ioann Zlatoust, sviatel'. *Tvoreniia sviatago ottsa nashego Ioanna Zlatousta, Arkhi-episkopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode* [Creations of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, in the Russian translation]. St. Petersburg, 1901. Vol. 7. 912 p. (In Russ.)

Sporov B.F. “Gogol' — novoe prochtenie. Zametki na poliakh knig” [New Readings of Gogol. Notes on the Margins]. *N.V. Gogol' i Pravoslavie. Sbornik statei o tvorchestve N.V. Gogolia* [N.V. Gogol and Orthodoxy. A Collection of essays on N.V. Gogol's creative work of]. 2nd rev. and enl. ed., Moscow, 2016, pp. 289–344. (In Russ.)

Tikhonravov N.S. “Primechaniia redaktora i varianty” [Editor's notes and text versions]. *Sochinenia N.V. Gogolia* [N.V. Gogol. Collected Works]. 10th ed., ed. by N. Tikhonravov. Moscow, 1889. Vol. 1, pp. 669–677. (In Russ.)

Feofilakt Bolgarskii, blazhennyi. *Blagovestnik. Tolkovaniia na sviatiya Evangeliiia blazhennogo* [Feofilakta, arkhiep[iskova] Bolgarskogo] [The evangelist. Interpretations on the holy Gospels of the Blessed Theophylact, Archbishop of the Bulgarian]. St. Petersburg, [1910]. 768 p. (In Russ.)

Chernyshevskii N.G. *Polnoe sobranie sochineny*: in 15 vols. [Complete Works: 15 vols.]. Moscow, 1939. Vol. 1. 860 p. (In Russ.)

Shenrok V.I. “Gogol' kak khudozhnik” [Gogol as an Artist]. *Kievskaiia Starina* [Kiev's Olden Time], 1902, № 6, pp. 435–448. (In Russ.)

The Most Patriotic Book of Our Literature
Selected Passages from Correspondence with Friends
by Nikolay Gogol'
Igor' A. Vinogradov

Abstract: The article raises the question of bringing out and defining the “focus of meaning” — i.e. the writer’s purport in the process of creative work, in order to properly understand the text. One of the main practical conclusions that could be drawn out of the practice of patristic interpretation of the evangelical parables is that one should always follow the main idea neglecting the minor details which serve only as a basis of the plot, i.e. the embodiment of the topic. For the first time this principle is applied to a highly problematic work in the Russian literary history — Gogol’s famous *Selected Passages from Correspondence with Friends* (1847). The article specifies the significance of this book in Gogol’ legacy and outlines a panorama of Gogol’s heritage as a whole.

Keywords: Gogol, biography, creative work, public ideology, censorship, interpretation, hermeneutics, spiritual heritage.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, Doctor Hab. of Philology, Senior Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru